

ПРЕОБРАЖЕНИЕ НА СОЛОВКАХ

Соловки. В старые добрые времена царей и цариц это слово всплывало в воображении наших предков заснеженным островом в студёном море с огромным монастырём и башнями, сложенными из гигантских валунов, с суровыми бородами монахами, ходящими под колокольный звон и чинно поющими особым соловецким распевом. Сейчас у многих, кого я не спрашивал, слово Соловки связывается с тюрьмой. Впрочем, и в те благословенные времена паломников из писателей непреодолимо тянуло узнать что-либо про загадочные соловецкие тюрьмы, где-то внутри каменных стен запаянные, и про таинственных узников, заживо погребённых в них.

У С.В.Максимова в «Годе на Севере» есть о том обширная глава и у В.И.Немировича-Данченко в книге «Соловки» читаем живописное расследование на эту тему (бедняга, он чуть было не заблудился в осклизлой темноте, разыскивая «тайные казематы»). И словно накликали: из нескольких неизменных в каждом государстве камер (а Соловецкий монастырь был, можно сказать, государством в государстве), остров стал одной большой камерой, испытательным полигоном, на котором отрабатывались прежде распространения по всей стране гугаговские технологии строительства новой жизни. В 1939 году ввиду близости финской границы тюрьму ликвидировали, но долго ещё чёрная тень смерти, неволи и пыток и всего, что связано со СЛОНом (Соловецким лагерем особого назначения), будет стоять над Соловками. Ехал и я, только-только крестившийся жёлторотый христианин, на Соловки. Посмотреть знаменитую тюрьму или всё-таки в монастырь?

Далеко с моря виден величественный Соловецкий кремль и главный его собор – Преображенский. По нему и монастырь, носивший одно время название Зосимо-Савватьевского, именуется теперь Спасо-Преображенским. Да и не назовёшь его уже Зосимо-Савватьевским, потому как в 1992 году принесены были сюда мощи третьего соловецкого патриарха – преподобного Германа. Это историческое событие изменило в православном календаре две даты: 21 августа, день 1-го перенесения мощей прпп. Зосимы и Савватия в 1566 г. стал также днём 2-го их перенесения, теперь уже с прп.Германом; а 22 августа стало Собором всех Соловецких Святых. И наряду с 19-м числом – праздником Преображения – эти августовские дни соединяются для соловецкой братии в одно непрерывное торжество.

Перед всенощной на Преображение раки с мощами Преподобных износятся из Благовещенской церкви в собор и поставляются на его белокаменной солее. Отреставрированный снаружи (восстановлены снесённые тюрьмой главы, покрыта медью крыша огромной паперти), он ждёт многих работ изнутри. Нет ни престола, ни икон, только голые белёные стены, но в таком виде собор ещё более восхищает обилием простора и света, как на горе Фавор.

И всё-таки почему? Почему келии тогда стали камерами, а великолепный монастырь – концентрационным лагерем? Может потому, что наш земной путь на Фавор лежит через Голгофу. И когда называющие себя христианами не хотят принять этого и каждый в свою меру не хотят добровольно распинать свои похоти и прихоти, то желающий нам спасения Господь, попускает подневольное их распятие, всякую меру превосходящее?

По утрам в августе на Соловках обычно густые туманы. Булыжник под ногами мокро блестит, с крыш капает сырость. Невидимый конвоир выкрикивает фамилии. Идёт развод на общие работы. Во времена СЛОНа Преображенский собор был помещением карантинной роты, и многие тысячи прибывающих на остров заключённых размещались в нём. Вместо ярусов иконостаса – ряды нар. День начинался криками, бранью и разводом. «Погружение во тьму».

В пронзительной книге с таким названием О.В.Волкова прочитал я и том, как рыл он яму с южной стороны кремля, как подвозили на телеге трупы, и как, сбрасывая их, едва присыпали землёй. Сейчас всё поросло травой, может этот бугор, может тот? Пасутся коровы.

У монастыря многовековая история (полутысячелетие его основания как раз приходилось на годы СЛОНа – 1927 год), но события советских лет всю её перекрывают. Тщетно искать следы былой монашеской славы на этой чьими только ногами не истоптанной (арестантами и охранниками, курсантами и военными, музейными работниками и реставраторами, туристами и экскурсоводами) монастырской мостовой. Но гид, указывая на полуразрушенные корпуса и церкви, на недавно установленные кресты Успенской трапезной, на голый, без единого деревца двор, непременно вспомнит святого игумена Филиппа, организаторским гением которого, можно сказать, и созданы Соловки. Нет, не эти с вырубленными тюремщиками для лучшего надзора деревьями, а те идеально обустроенные, недостижимо далёкие, прекрасные, как мечта, Соловки. О том, чем были они последние 70-ть лет напоминать не надо – всё перед глазами.

... и тьма бысть по всей земли до часа девятого: и померче солнце (Лк.23:44). Жизнь на острове из монашеской превратилась тогда в тюремную, как во всей стране – из церковно-общинной в коммунальную. Но, как стоявшему при Кресте Господнем сотнику-конвоиру, попала на глаза капля Божественной крови и исцелила их, так и нам, стоящим при распятых святынях и смотрящим на них ослеплёнными тьмой душами и сердцами, постепенно дарует Господь разум и зрение.

Сейчас в Соловецком монастыре около 30-ти братьев во главе с наместником. 4 священника, 2 диакона, 4 монаха, прочие два десятка трудников живут, служат и работают Богу. Каждодневные Литургии. Своё хозяйство с коровами и курами, своё молоко, небольшой огород с редиской, чесноком и прочим во дворе, и большой – с картошкой и капустой – в Савватьевом скиту. Пассажирское судно на 50-ть человек курсирует между городком Кемью и островами.

Топография Соловецкого архипелага удивительно напоминает человеческий череп (*место, нарицаемое голгофа, еже есть глаголемо краниево место* (Мф.27:33)), Адамову главу под Крестом Распятого Иисуса. Фотографический снимок из космоса ещё более карт об этом свидетельствует. И в духовном рассмотрении Соловки являются в жизни России той главой, что в сжатом, особо напряжённом виде выражает всё в ней происходящее. В стране старообрядчество – на Соловках вооружённое семилетнее противостояние никоновским реформам. В расцвет империи и имперских войн – на Соловках абрикосы в теплицах и английская бомбардировка. И, хотя тяжесть первой российской смуты вынесла на себе Троице-Сергеева Лавра, вторая, кровавая, легла на Соловки.

Есть на печально известном своим штрафным изолятором соловецком острове Анзер гора Голгофа и Голгофо-Распятский скит. Пресвятая Дева, явившись преподобному Иову,

основателю скита, велела ему так его назвать. И строились они одновременно: великим Пётром – Санкт-Петербург, и преподобным Иовом – Голгофо-Распятский скит. Есть и гора Фавор на другом соловецком острове – Муксальме, но кем и когда она так названа, я узнать не мог. Придёт время – узнаем.

Божий замысел нашего спасения, изначально вычерченный на Небе Его твёрдой рукой медленного, но неуклонно переводится здесь, на соловецкой земле.